

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПТИМИЗМА- ПЕССИМИЗМА

Абилов Урал Мурадович

Профессор кафедры общественных наук Ташкентской медицинской
академии, доктор философских наук

Образ жизни не существует вне личности, но создается он не личностью, — точно так же как национальное сознание, национальная психология проявляются на индивидуальном уровне, но формируются на уровне нации. Поэтому национальное сознание, национальная психология, вне которых нельзя понять особенное в образе жизни каждой нации, порождаются не каждым ее представителем, и даже не простой их - совокупностью, а возникают как результат взаимодействия и своеобразного отражения национальных факторов жизни всего общества, национальных отношений — составной части всей сложной системы общественных отношений — в коллективном сознании, психологии нации как общности. Именно национальная психология, национальный характер, национальное сознание выступают как звенья, опосредующие влияние способа производства на культуру, а через культуру — на образ жизни. Таким образом, если общие черты гуманистического образа жизни ярче всего проявляются в трудовой деятельности, в общественно-политической активности, то особенные его черты всего отчетливее проявляются в сфере культуры.

Лишь в гуманном обществе функционирование культуры предстает и как процесс самореализации и самовоспроизводства не только индивидом, но и целыми нациями и народами качестве культурного субъекта в процессе освоения всей суммы общечеловеческой деятельности. При этом, однако, недопустимо отождествление социально-классовых и национальных различий, ибо оно приводит к отрицанию всякого единства наций, национальных культур.

Любое насильственное вмешательство во взаимоотношения наций, любая попытка нивелировки национальных своеобразий деформирует саму суть национальной культуры в целом и каждого из ее национальных компонентов, привносит в специфичную для них совокупность установок, сетку категорий, посредством которых мыслится и выражается отношение человека к миру, деструктивные упадническо-пессимистические настроения.

А ведь существенной особенностью гуманистической культуры является выражение в ней творческой энергии всех наций и народностей по созданию нового общества, раскрытию в этом процессе наиболее ценных черт и традиций национальных культур.

Культурная самобытность должна стать одним из основных реальных движущих принципов истории. Самобытность—не имеющая ничего общего с патриархальностью и самоизоляцией, — есть фактор постоянно возобновляющегося, живого и оригинального синтеза. Таким образом, самобытность все активнее заявляет о себе как кардинально значимое условие всестороннего развития по гуманистическому пути личности, групп, наций; она позволяет побуждать и создавать базирующуюся на светлых

гуманных идеалах коллективную волю, которая вызывает мобилизацию интеллектуальных и эмоциональных ресурсов для деятельности, направленной на осуществление всевозможных позитивных перемен и конструктивную адаптацию.

Общность интересов всех наций порождает широкие возможности объединения усилий всего народа для ускоренного решения сложных как общих, так и национально-специфических задач.

Процесс интернационализации в национальном бытии развивает не все его элементы, а отбирает в нем жизненно необходимое, обогащает его лучшими интернациональными достижениями, вносит изменения в национальные модели образа к из ни, утверждает в них социально обусловленные потребности, интерпретирует и модернизирует существующие экономические и культурные национальные навыки.

В современном обществе объективное содержание деятельности людей поступает под их собственный контроль и в этом смысле становится их свободным делом. Целенаправленное регулирование объективного содержания деятельности людей осуществляется здесь в соответствии с их потребностями, интересами и волей, это фактор, сильнейшим образом влияющий на укрепление и развитие объективных основ и социального и индивидуального оптимизма.

В том же направлении действует — и должна непрестанно действовать — вся совокупность не только базисных, но и надстроечных факторов. Ведь только благодаря им человек в состоянии глубоко осознать, что вся его деятельность есть процесс выражения и раскрытия его же собственных сущностных сил.

Имеются, следовательно, в виду субъективные процессы,— или, применительно к нашей тематике, «субъективные факторы процесса укрепления и развития оптимизма». Но, конечно, и они, эти «субъективные факторы», в современном обществе имеют объективную детерминацию, — как и вообще все то что делает историю не чем иным, как непрерывным изменением человеческой природы. В таком позитивно-направленном изменении велика роль сконцентрированных в культуре специфически-национальных компонентов гуманного образа жизни и, особенно, их неуклонное и многогранное сближение, плодом которого является дальнейшая универсализация оптимистических установок.

Ни в коем случае недопустимо упускать и сугубо специфические аспекты семейных отношений, специфических для коренного населения Узбекистана. Так, для однонациональных узбекских семей характерна относительно большая прочность семейных связей, вследствие чего разводов в республике почти в 2,5 раза меньше, чем в среднем по бывшему Союзу. Относительно низкий уровень разводов у узбеков объясняется несколькими причинами: многодетностью их семей, ценностными установками на семью как на пожизненный союз супругов, заключенный ради рождения и воспитания детей, высоким престижем родительских ролей.

На прочность браков среди узбеков благотворно влияют и некоторые другие прогрессивные традиции, присущие их бытовому укладу. Часто в городах и населенных пунктах создаются прочные территориально-бытовые и социально-психологические общности («махаллачилик»), опирающиеся на авторитет старших. Такая общность контролирует

поведение людей в быту, использует морально-психологические санкции, или поощряет социально-одобряемое поведение.

Тем не менее, число разводов в Узбекистане также растет, и это во многом связано с изменением роли женщины в семье и обществе.

Уже сам по себе факт учащающихся по инициативе женщин-узбечек разводов есть зачастую свидетельство роста степени ее личностной автономии, таких трансформаций в мотивационно-эмоциональной сфере, которые, с одной стороны, детерминируются оптимистическим накалом менталитета и общества в целом и каждого, как правило, его члена, а, с другой, — явственно воздействуют на процесс расширения и укрепления всего объемного понятия «оптимизм» и базовых и сравнительно второстепенных когнитивных моделей, социокультурных норм и т. д. И эти и им подобные процессы в целом благоприятно воздействуют на становление оптимистически-ориентированных структур деятельности и психики индивидуумов.

Надо особенно отметить и то, что вследствие целого ряда обстоятельств в традиционно-узбекской семье, — как правило, многочисленной и сплоченной, — веками создавался такой микроклимат, который в целом позволял избегать постоянных психологических стрессов, неуверенности и огорчений, сравнительно безболезненно воспринимать различные формы адаптации к изменяющимся условиям жизни.

Очень важно в этой же связи учесть, что и по сей день в республике пожилые люди находятся в ситуации физической и эмоциональной безопасности, уважаемы другими членами общества, ощущают свою значимость в семье и обществе в целом. Это в свою очередь позволяет им,

— как бы сфокусировавшим в себе национальную идентичность узбеков, — выступать искренними пропагандистами оптимистического отношения к миру.

С другой стороны, не надо идеализировать и нынешнюю большую семью, — доминирующую преимущественно в деревенской среде. Именно тот факт, что она оказывается нередко устойчивее и жизнеспособнее, чем малая семья, обуславливает ее значительную роль в комплексе причин низкой мобильности коренного населения Узбекистана.

Между тем, не только прошлое, но и современность убедительно говорят о том, что пожизненная включенность в одну и только одну микросреду тормозит совершенствование личности, лимитирует ее мировоззренческий и общекультурный кругозор, стесняет ее всестороннюю динамику путями конформизма, установками на слепое поклонение традиционным, — а нередко и просто-напросто инертным, — нормам и ценностям. Отсюда — и значительная деформация оптимистических мыслей и чувств, даже уменьшение их удельного веса в целостном интеллектуально-эмоциональном мире личности.

Особого внимания заслуживает вопрос о произошедших в узбекской деревне некоторых изменениях в отношении норм и ценностей морали, определяющих содержание семейных отношений, — хотя нельзя закрывать глаза и на то обстоятельство, что и по сей день далеко не все еще освободились от пережитков прошлого, к примеру, по отношению к женщине.

Надо более глубоко учитывать то, что вообще городской тип развития олицетворяет собой несравненно большую эмансипацию от природной.

Напротив, сельский тип развития, для которого характерна «жесткая» зависимость производства от природных условий, где веками существовало «срастание» отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда, долгое время характеризуется преобладанием архаических экономических, социальных и культурных форм.

Вот почему городской тип развития объективно означает в целом более благоприятные условия для индивида и для общественного прогресса.

Определяя эту закономерность, можно говорить, что город ведет неизбежно за собой деревню, в том числе и во всем том, что касается идеолого-психологических конструкций, нормативных механизмов социальной и моральной регуляции, этических предписаний и т. д.

Поэтому урбанизация, обеспечивающая интеграцию развития города и села, предстает как важный фактор массовизации высших — диалектико-материалистических — форм социального оптимизма.

Надо, далее, подчеркнуть, что большую роль в деле оздоровления общей нравственно-этической атмосферы в Узбекистане, — и, следовательно, для укрепления в массовой психологии и в массовом сознании оптимистических установок, — сыграло обретение республикой независимости и суверенитета, и их признание со стороны ООН и СБСЕ, мировым сообществом в целом.

Анализ роли категорий «общее» и «особенное» в становлении и укреплении оптимизма в ценностных ориентациях той или иной социальной группы либо нации указывает на то, что его связь с категорией «образ жизни» в высшей степени многообразна и эффективна как в гносеологическом и методологическом, так и в практическом плане.

Оптимизм не следует представлять как некое абстрактное, всегда себе равное и неизменное понятие. В самом широком смысле, оптимизм в философском понимании связан с гуманизмом, с убежденностью и верой в неограниченные возможности человека, его деятельности и познания, в прогресс общества, направленный на создание необходимых условий для полного материального благополучия, свободного, всестороннего и гармонического развития всех членов общества, каждой нации, социальной группы и личности.

Оптимизм — категория диалектическая, связанная как с социальным, так и с мировоззренческим, психологическим, личностным уровнями.

Да и вообще данное понятие может быть познавательно продуктивным и творческим лишь при его активном взаимодействии со всеми другими категориями материалистической диалектики. Следует особо подчеркнуть, что употребление понятия «оптимизм» немислимо вне его связи с категорией «общественно-экономическая формация», без анализа классового содержания рассматриваемой формации.

На наш взгляд, понятие «оптимизм» выполняет две важные функции в системе философского обществоведческого анализа.

Во-первых, предметная сфера его использования охватывает субъективное осознание формы внутреннего самодвижения своего содержания, то есть отражение целостности и внутренней противоречивости развития определенной общественной формации и исторической необходимости ее перехода к новой, более высоко развитой, формации.

Во-вторых, предметная сфера употребления данного понятия и вместе с тем его функция связаны с рассмотрением конкретно-исторической, реально существующей общественной целостности. Указанная двойная функция понятия «оптимизм» может быть объяснима лишь на основе объективной диалектики сущности и существования конкретно-исторических обществ.

Со стороны сущности это понятие характеризует определенную ступень общественной формации, а со стороны существования — конкретно-исторические отклонения, модификации общей закономерности движения общественной формации.

Думается, благодаря все тому же понятию «оптимизм» можно будет и отчетливей осознать понятие «смысл истории».

Не приемля «телеэкономические» представления о смысле истории и человеческого бытия, обществоведение, однако, постулирует, что понятие «объективного смысла» истории, будучи диалектико-материалистически интерпретированным, есть мощное гносеологическое орудие объяснения развития общественных формаций.

Для универсализации и укрепления оптимистических ориентаций и идей принципиальное значение имеет широкая, умелая и систематическая пропаганда прежде всего того фундаментального философского мировоззрения, вернее его тезиса, согласно которому объективный смысл истории выражается в существовании и действии ее объективных закономерностей.

От степени развития объективных общественных отношений во многом зависит субъективный смысл человеческого бытия, — и, значит, его

оптимистическая или, напротив, пессимистическая тональность. Лишь в условиях гуманного общества объективный смысл истории и субъективный смысл человеческого бытия приобретают взаимно-дополнительный характер, ибо цели обеспечения максимального материального и духовного развития людей находят у них полное одобрение.

В то же время, надо, на наш взгляд, интерпретировать категорию «социальный оптимизм» не только как реалию, но и как идеал. Специфика же идеала как формы познания действительности состоит в том, что познание объективных тенденций движения истории (гносеологический аспект) дополняется в идеале оценкой возможностей практического совершенствования настоящего с позиций коренных интересов гуманного общества (аксиологический аспект). Словом, идеал непременно включает в себя оценочное отношение к исследованию действительности. В осознании человеком идеала, в его отношении к идеалу как к наиболее рационализированному представлению о будущем заложена интенсивная эмоциональная окраска.

Но в таком случае можно будет рассмотреть и функции категорий «оптимизм» в системе социокультурного целого сравнительно с функциональной природой совокупности идеалов.

1) Познавательно-прогностическая функция заложена в семантике самого слова «оптимизм», — слова, неизбежно предполагающего высокопозитивный спектр эмоций, и тесно связанного с категорией «прогресс», также стимулирующей мажорное восприятие и настоящего и, особенно, будущего;

2) ценностно-ориентировочную, опирающуюся на закон возвышения потребностей, позволяющей учитывать социальную значимость деятельности каждого.

3) Программно-активизирующую, направляющую усилия личности не только на обеспечение собственного интереса, но и на осознание того, что наиболее полно он может быть достигнут лишь в русле общественного. Ведь без нее немислимы революционное преобразование общества, вся вообще деятельность составившего себе объективную картину его человека, который «изменяет внешнюю действительность, уничтожает ее определенность (меняет те или иные ее стороны, качества) и таким образом отнимает у нее черты кажимости, внешности и ничтожности, делает само-в-себе и само-для-себя сущей (-объективно-истинной).

Такие понятия как «образ жизни», «оптимизм» имеют структурно-формационный (связь с общественно-экономической формацией в целом) социальный (классовый, национальный) и личностный аспекты.

Оптимизм нельзя трактовать как явление по преимуществу психологическое, ибо оно имеет онтологическое, гносеологическое, нравственное и даже экономическое содержание. На формационном уровне, на уровне общества в целом носителями оптимизма как идеологической структуры и этической категории выступают все члены гуманистического общества.

Принципиальное преимущество социального оптимизма состоит именно в том, что он исходит из признания исторического развития общественной жизни от низкого к более высоким формам. В этом смысле, если какой-либо индивид— носитель гуманного образа жизни — по каким-

либо субъективным причинам настроен пессимистически, то в социальном отношении он все же остается носителем оптимистического мировоззрения: он трудится на благо всех людей, в рамках всеобщих производственных отношений, избавлен от социальных неурядиц, ему гарантированы все права гражданина гуманного общества и т. д. Поэтому и реальные и потенциальные противоречия между оптимизмом социальным и оптимизмом личностным не носят в условиях гуманного строя антагонистического характера, а диалектически снимаются в процессе всестороннего совершенствования образа жизни в целом. Можно, таким образом, говорить об «объективности» оптимистического мировоззрения и мировосприятия в гуманном обществе: независимо от сознания каждого отдельного индивида, на уровне социума он является носителем оптимистической традиции, если включен в систему образа жизни.

Определенная интернационализация мировоззренческих ориентаций и нормативно-ценностных оснований жизни узбекского народа обусловила коренной поворот в идейнонравственном облике личности. Именно тогда, когда человек осуществляет свою деятельность не просто в массе с другими, а осознает ее необходимость, проявляет свою самодеятельность приобретает подлинно личностный характер, — и, значит, обретает четко-оптимистическую детерминанту.

Это было особенно важно в условиях Узбекистана.

Несмотря на то, что современная эпоха привнесла такие новые ценности как «самостоятельная личность», «собственные суждения», «самоутверждение» и т. п., нередко в повседневной жизни, — особенно в преобладавшей в республике крестьянской среде, — поведение долго еще

определялось «тем, что скажут люди», архаичным правилом любого «традиционного» общества: «одинаковым способом действовать и мыслить». Эти установки тормозили становление самоценного внутреннего мира личности, а, значит, и культурный рост общества в целом, ограничивали возможности перевести стихийный процесс формирования мировоззрения в направляемый, повседневно руководимый, чтобы воспитывать сознательных борцов за независимость и суверенитет Узбекистана.

Данная задача была успешно решена, причем государство умело использовало для этого те черты национальной психологии, которые способствовали процессу формирования идейно убежденной, духовно богатой, интеллектуально и эмоционально развитой личности, и в первую очередь оптимистические и гуманистические компоненты традиционной узбекской демократической культуры, ее готовностью к восприятию новых прогрессивных веяний, независимо от их происхождения и этнической принадлежности их носителей.

Эта культура характеризуется духом доброго веселья и бесхитростной шутки, тягой к празднично-смеховому началу, органическим соединением веселья, серьезности и шутливости, одухотворенности и эстетической изысканности, этикетности и нравственной свободы. В принципе узбекскому народу была чужда тяга к помпезному великолепию и ритуально-принудительной пышности, призванным ослепить и подавить человека.

Да и вообще узбекская — как и любая иная — народная культура полагала своим идеалом свободу от какой-либо 84 официальности, обязательности, каноничности, иерархического принципа, высокой

семиотической социальной жизни. Это обстоятельство в очень значительной мере позволяет понять культурно-исторический генезис и причины прочности в ней явных и латентных оптимистических устремлений, в принципе, повторяем, сильно облегчавших пути к универсализации всех привносимых извне прогрессивных напластований.

История духовной жизни Узбекистана дает множество примеров того, что массы охотно осваивали культуру — преимущественно материальную — самого разного характера и происхождения (социального, национального, регионального), делали ее собственным, неотъемлемым, органическим достоянием, включали ее элементы в сферы бытового досуга, соединяя их с традиционными, исконными началами народной жизни.

В традиционно-бытовой культуре Узбекистана собственно эстетическое и одновременно этически окрашенное восприятие мира стремилось быть выраженным не только отчетливо, обильно, многопланово, но и, по возможности, функционировать и динамизировать в универсальном- а, значит и многогранном, оптимистическом диапазоне.

И лишь опора на превнесенное и универсализированное, ею диалектико-материалистическое мировоззрение позволили, трансформировав его позитивные элементы конкретно-национального духовного наследия, гармонично соединить их с имманентными гуманизму как таковому средствами воздействия на массовое сознание. Для формирования его стойкой диалектико-материалистической оптимистической настроенности принципиальное значение имеют комплексный подход к решению крупномасштабных задач и программно-

целевое управление. В итоге каждый труженик получает самые благоприятные возможности для того, чтобы выбирать наиболее адекватные и его личным и общественным интересам ценностные механизмы и регулирования своего повседневного бытия в оптимистическом настрое собственного будущего.

С другой стороны, наряду с народной, оптимистической преимущественно, традицией, глубокие корни имели остатки феодального, религиозно-спиритуалистического мировидения и, в первую очередь, — конформизм, пессимизм и культ фатализма.

Надо, конечно, учитывать, что с точки зрения соотношения оптимизма и пессимизма, прогрессивного и реакционного начал, **85** ислам не был и не является однозначным феноменом. Борьба между двумя тенденциями в нынешнем движении «под исламскими лозунгами, — реакционной и относительно прогрессивной, — проявляется в самых разных сферах, и нередко стимулирует борьбу регионов традиционного распространения ислама против политической и духовной экспансии сил извне.

Но даже тогда, когда ислам выступает как знамя национально-освободительных устремлений, его «оптимистические импликации» остаются предельно лимитированными.

Необходимо иметь в виду то обстоятельство, что в Узбекистане, — как и в других соседних странах Средней Азии, — верующие мусульмане борются за мир, участвуют в общественном производстве, поддерживают идеи справедливости, гуманизма, патриотизма. Это не означает, однако, необходимости прекращения борьбы с религиозными пережитками. Напротив, ее надлежит всемерно усиливать, ибо она расчищает путь для

подлинного оптимизма, для победы гуманной идеологии, несоместимой ни с какой формой идеалистического, — а потому всегда в сущности остающегося пессимистического, не позволяющим человеку стать творцом социально исторической реальности, — мировидения и этико-нравственных кодексов.

Философский социальный оптимизм органически присущ гуманному образу жизни, есть одна из важнейших его идеолого-психологических характеристик.

В целях более глубокого и многопланового анализа данного феномена мы сочли необходимым связать его с понятием «политическая культура» и «социальное время». Это — не единственная, конечно, связь, ибо понятие «оптимизм» — полимодальное, и все, непосредственно с ним соединенно, образует систему весьма сложную, многомерную, динамичную. Попытки втиснуть ее в рамки линейной схемы, выразить ее существенные черты посредством какой-либо одной и только одной дефиниции приведут к искажению ее истинной природы.

Поэтому-то нужен специальный комплекс дефиниций и проясняющий их смысл специальный теоретический анализ. Разумеется, при этом должно быть соблюдено главное условие — постоянная корректировка любой попытки очертить структурную и содержательную многомерность понятия «оптимизм» спецификой общественной практики, учетом ее детерминирующего — в конечном счете — влияния на формирование векторов активности социального субъекта.

С другой стороны, сам по себе оптимизм как явление идеолого-психологическое, не имея автономного статуса, тем не менее занимает

важное место во всей совокупности надстроечных факторов, убыстряя социокультурную динамику, активно способствуя формированию и развитию высших ценностных ориентиров человеческой трансформирующей деятельности, стимулируя ее конструктивные поиски, обостряя чувство социальной ответственности.

Обо всем этом с достаточной очевидностью свидетельствует история духовной жизни Узбекистана, где развивались жизнеутверждающие, оптимистические типы ценностного осмысления бытия.

Посредством понятия «оптимизм» можно дать более объемное описание общественного целого как взаимодействия базиса и надстройки, материальных и идеальных отношений в социальной жизни.

Есть, наконец, основания вычленить следующие ведущие функции понятия «оптимизм» в системе социокультурного целого сравнительно с функциональной природой совокупности идеалов — функцию познавательно-прогностическую, оценочную, программно-активизирующую.

Как бы то ни было и в этом плане разнообразны реальные и потенциальные противоречия между оптимизмом социальным и оптимизмом личностным, в условиях гуманного строя они не носят антагонистического характера, диалектически снимаясь в процессе всестороннего совершенствования образа жизни.

Именно таким образом можно постулировать «объективность» оптимистического мировоззрения и мировосприятия «оптимистического умонастроения» в гуманном обществе- независимость от особенностей

ценностной структуры осознания того или иного индивида, он предстает как носитель оптимизма, если включен в систему гуманного образа жизни.

Использованная литература

1. Abdusattorov, R., & Yakubov, S. (2021). A LOOK AT THE LIFE AND SCIENTIFIC (PEDAGOGICAL) ACTIVITY OF UZBEK GERMAN SCIENTIST, PROFESSOR SHUKHRATKHON IMYAMINOVA. CURRENT RESEARCH JOURNAL OF PHILOLOGICAL SCIENCES, 2(10), 86-91.
2. Абульханова, К. А., & Воловикова, М. И. (2007). Психосоциальный и субъектный подходы к исследованию личности в условиях социальных изменений. Психологический журнал, 28(5), 5-14.
3. Abdusattarov, R. (2021). Issues on theoretic bases in intercultural communication as—the primary factor of educating for foreign languages. ACADEMICIA: An International Multidisciplinary Research Journal, 11(8), 237-242.
4. Волкова, Мария Николаевна. "Онтологические основания оптимизма и пессимизма философии бытия." (2016).
5. Абдусаттаров, Р. Х. (2017). Роль спортивного комментария в популяризации спорта. In АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ (pp. 76-78).
6. Ramziddin, A., & Jakhongir, T. (2021). Problems of Development Theoretical Bases in Intercultural Communication as the Main Factor of Teaching Foreign Languages. Annals of the Romanian Society for Cell Biology, 6969-6973.
7. Toshaliyev, I., Abdusattorov, R., & Makhmudova, S. (2000). Ommaviy ahborot vositalarining tili va uslubi. T.:" University.

8. Ильин, Евгений Павлович. Психология надежды: оптимизм и пессимизм. "Издательский дом" Питер", 2021.
9. Toshaliyev, I., & Abdusattorov, R. (2006). Ommaviy ahborotning tili va uslubi.
10. Тошалиев, И., & Абдусаттаров, Р. (2006). Оммавий ахборотнинг тили ва услуби. Ўқув қўлланма. Т.: "ZAR QALAM".
11. Косарева, К. И. "Анализ экологической культуры студентов колледжа УрГЭУ." ББК 65.04 К64 Ответственные за выпуск: доктор экономических наук, ректор Уральского государственного экономического университета (2017): 42.
12. Абдусаттаров, Р. Х. (2017). Роль спортивного комментария в популяризации спорта. In АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ (pp. 76-78).
13. Андреева, Ю.В., 2012. Педагогические основы воспитания оптимистически ориентированной личности. Вестник ВЭГУ, (4), pp.5-8.
14. Абдусаттаров, Р., & Тошалиев, И. (2000). ОАВ тили ва услуби. Т.: Ўзбекистон.
15. Агиенко, Марина Ивановна, Александр Андреевич Наумов, Салташ Доган, and Елена Петровна Карпенко. "Педагогические ресурсы формирования оптимистического мировоззрения студентов в современном вузе." Педагогика и просвещение 1 (2022): 52-67.